

Литературная газета

№ 30 (521)

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Четверг, 30 мая 1935 г.

ВНИМАНИЕ МОЛОДЫМ!

Историческая речь т. Сталина на выступлении академиков Красной армии знаменует новый этап в борьбе за кадры строителей социализма, за нового человека социалистической эпохи. Лозунг «Кадры решают все», обогнавший от края до края всю нашу великую родину, сделался программой последней работы в промышленности, в сельском хозяйстве, на транспорте, в школе и в науке. Этот лозунг налагает огромные обязанности на организацию советских писателей, выдвигая на одно из первых мест задачу воспитания, выращивания, выявления молодых писательских кадров.

Мастерство «инженеров человеческих душ» — сложное, тонкое мастерство. В своем творчестве советскому писателю приходится прибегать к широким общечеловеческим явлениям действительности, а это требует ориентировки в основах нашего пролетарского мировоззрения, в основах учения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Писатель переносится подчас мыслью и словом в далекие исторические эпохи, черпает материал для образных сравнений, — для этого нужно знакомиться с историей человечества, с историческим ходом развития нашей и чужой. Творческая мысль вылечит писателя в различные угодья земного шара. Она заставляет его познать и художественно выражать богатейшее многообразие культуры народов нашей великой страны. Наконец, писатель-мастер должен бережно хранить в своем сознании мировые образы литературного искусства всех веков и народов, должен освоить литературное наследство в первую очередь. Королю говоря, для того, чтобы писательскому молчанию подняться на уровень настоящего мастера, нужна всяческая культура — культура знаний, культура труда, культура слова и образа.

Нет ничего более опасного для начинающего писателя, как путь легкомысленной самодовольности, поверилинистичного взаимействия, расчета на авось, на одни лишь «спонтанное чувство». Выработка в себе качеств настоящего писателя — дело длительное, связанное с серьезным процессом политического и идеологического и общекультурного роста.

Различные виды воспитания и учебы молодых писателей: литературный университет, вечерний литературный университет, литературная консультация, краткосрочные курсы, заочный литературный университет, организованый решением секретариата СССР совсем недавно, дают возможность нашей писательской молодежи постоянно и упорно повышать свою квалификацию.

Вторые краткосрочные курсы молодых писателей, организованные правлением СССР, закончили свои занятия. Курсом эти, работавшим два месяца, для возможности молодых писателей прослушать цикл интересных лекций, как общеполитическим вопросам, так и по специальным литературным. Но также курсом это только начало в дальнейшей самостоятельной работе. На курсах выяснилось, что многие из областных писателей стоят на чрезвычайно низком политическом и культурном уровне. Беспомощность в вопросах теории, слабое знакомство с политическими фактами, весьма туалевое представление о творчестве классиков — вот что отличало некоторых, подвергшихся испытанию молодых писателей. Это говорит о необходимости раздвинуть в дальнейшем еще более электрическую культурно-воспитательную работу среди писательской молодежи, чтобы избегнуть культурного отставания новых писательских кадров от уровня той рабочей колхозной массы, которую они изображают в своих произведениях.

Организованный заочный литературный курс должен в этом смысле оказать писательской молодежи большую помощь. Но местным органам ССР необходимо добиться того, чтобы эта заочная учеба стала обязательной для начинающего писателя, необходимо внести в это дело строгий общественный контроль.

Разумеется, воспитание молодых кадров не может ограничиться только учебой, хотя учеба является здесь важнейшим звеном. Большую воспитательную работу в процессе самого производства должна вести наука критики. До сих пор, к сожалению, критика довольно мало делалась в этом направлении, а частично действовала и, отрицательно, либо впадала в излишнее опасное захвачивание начинавшего писателя или поэта, либо обнуривалась на него со всей беспомощностью за неизбежной ранней смерти творчества недостатки и погрешности. Со стороны критики необходимы более внимательный, вдумчивый педагогический подход к писательскому молодняку. Нужно не только констатировать и оценивать, надо помнить, направлять, толкать на углубленную, систематическую учебу. Роль журналов как центральных, так и республиканских, краевых и областных отделений СССР чрезвычайно ответственна в этом отношении. Надо критикововать, учить и воспитывать не только при помощи рецензий, но и энтоматической консультации, использовать самые разнообразные формы — от кружка патриотических авторов до индивидуального шефства писателей старшего поколения над молодняком.

Нужна большая и постоянная работа о том, чтобы у нас было больше людей, овладевших склонной и ответственной техникой литературного мастерства.

К 30-ЛЕТИЮ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАРОДНОМУ ПОЭТУ ЯНКА КУПАЛЕ — БРАТСКИЙ ПРИВЕТ!

МИНСК. (По телеграфу, собств. корр.). 28 мая писательская общность отпраздновала 30-летний юбилей литературной деятельности Янка Купалы. Появление юбиляра на вечере было встречено бурными овациями. После за докладом о творчестве Купалы выступил представитель ЦК КП(б) Б. Готфрид и передал ему коммунистический привет. От имени белорусских писателей Купалу приветствовал Лыньков, от грязинских — Мосавиши, от русских — Годолин. Переводчик Купалы на польском языке читал Станислава на грузинском. Мосавиши, еврейский Аксельрод. Отвечая на привет, Купала сказал: «Хорошо жить, хорошо творить в эпоху Сталина».

ПИСЬМО ЯКУБА КОЛАСА

Милый товарищ, лучший мой друг Янка Купала!

Позволь мне по-дружески, искренне и сердечно расцеловать тебя в 30-ю годовщину твоей плодотворной художественной деятельности. Да, тридцать лет не малое время. Много воды утекло с тех пор, когда впервые зазвучали слова певца и баяна угнетенного смильно и национально трудового белорусского народа. Эти слова были знаменем борьбы за его обновление, за его равноправие в семье народов. Радость, энтузиазм, гордость за твой огромный поэтический дар говорили мне твоим первым словом поэта-протестанта.

Мы тогда были молоды, мы были

просто энтузиасты, но имевшие широкие поэтические горизонты. Нас увлекала идея национального возрождения родного народа и наши песни были непосредственным выражением нашего настроения.

Эта национальность, под знаменем которой мы расценивали наш мир, была нашей движущей силой. Теперь нас называют очень обидным, очень неприятным словом «старники».

Предположим, что они правы, те кто называет нас старниками. Ну пусть, но за то мы имеем большой жизненный опыт, но за то мы прошли большую жизненную дорогу и знаем, что не в национальности, о которой мы так много, дружок, распо-

вали с тобой, заключается альфа и омега спасения белорусского народа.

Мы являемся сегодня счастливыми свидетелями подлинного счастья своего народа, и это счастье найдено не в той плоскости, с которой мы тогда обозревали мир.

Пролетарский интернационализм, роль рабочего класса в построении нового подлинного счастья труящихся масс — вот что является ведущей силой прогресса.

Так давай же, мой друг, докажем, что в этом прогрессе, в этом движении вперед и наша «старниковская» лепта не будет щербата.

Сердечно и искренне любящий ЯКУБ КОЛАС.

Янка Купала

M A Й

Ходят Май по свету
Солнечной тропой,
Всех, кто обездолен,
Привыкает к боя.

Слышен его голос —
Молодой и бурный —
В недрах подземелий
И в плаче курной.

Ходят Май по свету...
Стяг его червонный,
Поднимая песни
Мировой Коммуны,

И дрожат сатрапы,
Палачи народов,
От ее призыва,
От его походов.

Ходят Май по свету...
С радостной мечтою:—

Как возьмут Советы
Власть над всей землею;

Как знамена вспыхнут
Пламенными рубинами,
Как былой невольник
Станет господином.

Ходят Май по свету...
Многолюдный, буйный,
Поднимая песни
Мировой Коммуны,

Где не будет больше
Человеку права
Над себе подобным
Властвовать кровью.

Ходят Май по свету...
С радостной мечтою:—

Перевод М. ИСАКОВСКОГО.

ЮБИЛЕИ ЯНКА КУПАЛЫ

Правление союза советских писателей БССР пришло специальное постановление об осенномеанении литературной деятельности народа Янка Купалы.

Решено подготовить 2 творческих вечера Янки Купалы в Москве и Киеве.

Госбиблиотека организует выставку «Творческий путь Янки Купалы».

*

На имя поэта поступило огромное количество приветствий. 27 мая в Минск прибыла бригада московских писателей в составе Годолина, Ильинкова, Ленимана, Станда.

Писатели обратились к Юбилю с открытым письмом, в котором отмечают оторванное внимание его творчества и желают ему многих лет пло-

дотворной литературной деятельно-

сти.

РОДИНА А. П. ЧЕХОВА

Чехов — грек Стамати, «Рекомендуй (от Чехова). — Т. М.) немерено определять смык его произведения, следовательно, поэтическим языком, который, по его словам, все есть».

Напомним, что Т. М. не вспомнил знаменитого Дядьку из «Свадьбы»?

Узнано было, что Т. М. не вспомнил знаменитого Дядьку из «Свадьбы»?

Узнано было, что Т. М. не вспомнил знаменитого Дядьку из «Свадьбы»?

Узнано было, что Т. М. не вспомнил знаменитого Дядьку из «Свадьбы»?

Узнано было, что Т. М. не вспомнил знаменитого Дядьку из «Свадьбы»?

Узнано было, что Т. М. не вспомнил знаменитого Дядьку из «Свадьбы»?

Узнано было, что Т. М. не вспомнил знаменитого Дядьку из «Свадьбы»?

Узнано было, что Т. М. не вспомнил знаменитого Дядьку из «Свадьбы»?

Узнано было, что Т. М. не вспомнил знаменитого Дядьку из «Свадьбы»?

Узнано было, что Т. М. не вспомнил знаменитого Дядьку из «Свадьбы»?

Узнано было, что Т. М. не вспомнил знаменитого Дядьку из «Свадьбы»?

Узнано было, что Т. М. не вспомнил знаменитого Дядьку из «Свадьбы»?

Узнано было, что Т. М. не вспомнил знаменитого Дядьку из «Свадьбы»?

Узнано было, что Т. М. не вспомнил знаменитого Дядьку из «Свадьбы»?

Узнано было, что Т. М. не вспомнил знаменитого Дядьку из «Свадьбы»?

Узнано было, что Т. М. не вспомнил знаменитого Дядьку из «Свадьбы»?

Узнано было, что Т. М. не вспомнил знаменитого Дядьку из «Свадьбы»?

Узнано было, что Т. М. не вспомнил знаменитого Дядьку из «Свадьбы»?

Узнано было, что Т. М. не вспомнил знаменитого Дядьку из «Свадьбы»?

Узнано было, что Т. М. не вспомнил знаменитого Дядьку из «Свадьбы»?

Узнано было, что Т. М. не вспомнил знаменитого Дядьку из «Свадьбы»?

Узнано было, что Т. М. не вспомнил знаменитого Дядьку из «Свадьбы»?

Узнано было, что Т. М. не вспомнил знаменитого Дядьку из «Свадьбы»?

Узнано было, что Т. М. не вспомнил знаменитого Дядьку из «Свадьбы»?

Узнано было, что Т. М. не вспомнил знаменитого Дядьку из «Свадьбы»?

Узнано было, что Т. М. не вспомнил знаменитого Дядьку из «Свадьбы»?

Узнано было, что Т. М. не вспомнил знаменитого Дядьку из «Свадьбы»?

Узнано было, что Т. М. не вспомнил знаменитого Дядьку из «Свадьбы»?

Узнано было, что Т. М. не вспомнил знаменитого Дядьку из «Свадьбы»?

Узнано было, что Т. М. не вспомнил знаменитого Дядьку из «Свадьбы»?

Узнано было, что Т. М. не вспомнил знаменитого Дядьку из «Свадьбы»?

Узнано было, что Т. М. не вспомнил знаменитого Дядьку из «Свадьбы»?

Узнано было, что Т. М. не вспомнил знаменитого Дядьку из «Свадьбы»?

Узнано было, что Т. М. не вспомнил знаменитого Дядьку из «Свадьбы»?

Узнано было, что Т. М. не вспомнил знаменитого Дядьку из «Свадьбы»?

Узнано было, что Т. М. не вспомнил знаменитого Дядьку из «Свадьбы»?

Узнано было, что Т. М. не вспомнил знаменитого Дядьку из «Свадьбы»?

Узнано было, что Т. М. не вспомнил знаменитого Дядьку из «Свадьбы»?

Узнано было, что Т. М. не вспомнил знаменитого Дядьку из «Свадьбы»?

Узнано было, что Т. М. не вспомнил знаменитого Дядьку из «Свадьбы»?

Узнано было, что Т. М. не вспомнил зн

О забытом полотне

Роман Бондина охватывает огромный период времени, примерно с конца двадцатых годов до смерти Молчана. Это, по замыслу, новые «40 лет».

В этом сила и слабость романа. Смысла потому, что автором сделан попытка проследить на протяжении десятков лет отношения, жизнь и быт трех поколений золотопромышленников, стартелей, рабочих и других классов и социальных прослойок золотопромышленного Урала. Слабость же тому, что для столь грандиозного охвата у Бондина не оказались ни нужной степени художественного мастерства, ни способствующего уровня культуры и овладения мироизменением марксизма. С чем Бондина несомненно спаслился и это является его вкладом в советскую литературу, это пока быта и путей прихода к социалистической революции такого специфического отряда крестьянства, как стартели. Удача Бондина в этой части обясняется двумя причинами: во-первых, тем, что для изображения этой среды у него оказались широкие практические наблюдения, опыт достаточный для их обобщения; во-вторых, наличием литературных образцов, помогших ему с достаточным количеством подпитки отразить жизнь и быт стартелей до революции. Речь идет о влиянии на Бондина Горького и Мамина-Сибиряка («Нравственные миллионы»). Влияние этих писателей в первой книге настолько огромно, что времена учеба превращается в эпизод (начало карьеры Макара Скоробогатова является прямым продолжением «Дела Артамоновых»).

Этим отголоски обясняются то, что первая книга значительно полнокровнее и сочнее второй. Вторая более самостоенна, но это она и слабее первой. Она охватывает период с 18-го по 23-й год. И сам характер событий — гражданская война, национализм, восстановительный и быстрый рост людей и калейдоскопическая смесь руководивших жизнью Полтаворгских классов и социально-политических групп придал книге характер больших исторических хроник. Менее всего Бондина, как бытописателя по прямому смыслу, дает публицистика. Он тщательно и осторожно ее обходит, но там, где без нее решительно нельзя обйтись, она звучит по-газетному торопливо, неуклюженно (если склонность к полиглазии, быть партактива, митинги, собрания, прямые политические выскакивания героя). Исключение составляют только стартели. Их политические разговоры, густо слободренные великолепными фольклором, звучат в большинстве случаев ярко и убедительно.

Наконец к недостаткам романа следует отнести самодовлеющее описание природы, затянутую отдельные сцен и злоупотребление провинциализмом и старательским обогащением в авторском тексте. Все это вместе составляет впечатление сырости романа в целом. И тем не менее «Лога» — настолько большое полотно, незаслуженно замалчиваемое нашей критикой. В нем показаны, с подлинно художественной убедительностью, пути и противоречия, с которых шел такой специфический отряд крестьянства, как стартели под руководством пролетариата и его партии в социализм.

Наиболее полнокровными фигурами романа являются Яков и Макар Скоробогатовы, Малашенков, Калистрат, Дронов, Зыков, Сизов, Наталья и др.

Яков Скоробогатов — типичный стартель, которому несколько раз «фартят», он быстро ботает, швыряет направо-налево деньги, самодурствует и вновь становится белым. «Счастлив» — господство случая, варягивает среди бескультурных, обворовываемых чиновничеством и купальщиками, живущими минутой удачи стартелей неслыханным даже для России суетностью.

Бондина. «Лога». Григорьев.

Чертовщина входит в быт. С этой стороны был старательский позор Бондина. Рождение Макара в «корочке и рубашке» становится событием, выходящим далеко за пределы обычного. Организуется «акционерное общество», палки которого являются «корочкой и рубашкой Макара и шкура, сброшенная азмей, — «выплюзка». Тем фантастиче- ка- жется путь, пройденный этими людьми средневековья за три десятка лет.

Сын Якова — Макар, удальчий предпринимчивый парень, находит богатейшую россыпь в неизвестном до сей поры логе у речки Безымянки. С этого момента начинается быстрый рост благосостояния Скоробогатовых. Бондин показывает становление капиталистического промысла. От идеалистических картин единения «хозяев» — вчерашних стартелей — с рабочими (картины, известных нам по «Делу Артамоновых») до резко враждебного отчуждения на конец кро- вавой борьбы в период гражданской войны. Несомненная заслуга Бондина в том, что он сумел с пытливостью мастерства показать путь становления капиталиста в специфических золотопромышленных условиях.

Яков, который не ладил с сыном в время от времени уходит от него стартелействовать, несмотря на свою противоречивость, пресыщенную типичной и оригинальной фантазией. В будто отца против сына, наскрепо связавшего свою судьбу с парижским и его бирократией (которую Макар хоть и не ненавидит как тормоз его предпринимательского размаха), но терпит, ибо без них ему не управляться с народом), презывайчино и яро возвращается противоречивое положение коренных стартелей-серединников, колеблющихся между белотой и золотопромышленниками. Яков нападает на сына за нарушение их традиций, за то, что «народ» тревожится, и как зверь, интуиция — промысловая охрана, за то, что тот рвет покровину, связывающую его со старителями.

Нечастность в парижу у Макара в свою очередь все время переменивается со страхом перед бунтом рабочих против азиатских методов эксплуатации. Макар предпринимчив, умеет, но бескультурен и, по сути, стоит вне политики. Все эти черты Якова и Якова показаны Бондина искрительно правдиво, без единого схематического штихера. Долог и противоречиво чуть приро-

дат стартелей к социалистической революции. Рабочие не удовлетворили их уравнительских требований, и они в массе своей повернулись к белогвардейским контрреволюционам. Против наступления белых с рабочими сознание стартелей, настолько же слабо и схематично изображенное партийного актива из рабочих и особенно из интеллигентов.

Нельзя не отметить замечательно теплого и умного отношения Бондина к детским типам. Его Баночка, по-казавшаяся на началье книги на трех-четырех страницах, запоминается на всю жизнь, то же с Ефимкой, маленьким Макаром и Сенькой Сухановым. Это признак взаимодействия стартелей, настолько же слабо и схематично изображенное партийного актива из рабочих и особенно из интеллигентов.

Вторая книга Бондина показывает, как революция брала от разгон, когда возможность стране в эпоху национализма вырваться из трясины азиатской скоробогатовщины отсталости. Однако, насколько правило и убедительно в общественном и в бытовом плане у Бондина показана переплавка сознания стартелей, настолько же слабо и схематично изображение партийного актива из рабочих и особенно из интеллигентов.

Бондин показывает становление капиталистического промысла. От идеалистических картин единения «хозяев» — вчерашних стартелей — с рабочими (картины, известных нам по «Делу Артамоновых») до резко враждебного отчуждения на конец кровавой борьбы в период гражданской войны. Несомненная заслуга Бондина в том, что он сумел с пытливостью мастерства показать путь становления капиталиста в специфических золотопромышленных условиях.

Яков, который не ладил с сыном в время от времени уходит от него стартелействовать, несмотря на свою противоречивость, пресыщенную типичной и оригинальной фантазией. В будто отца против сына, наскрепо связавшего свою судьбу с парижским и его бирократией (которую Макар хоть и не ненавидит как тормоз его предпринимательского размаха), но терпит, ибо без них ему не управляться с народом), презывайчино и яро возвращается противоречивое положение коренных стартелей-серединников, колеблющихся между белотой и золотопромышленниками. Яков нападает на сына за нарушение их традиций, за то, что «народ» тревожится, и как зверь, интуиция — промысловая охрана, за то, что тот рвет покровину, связывающую его со старителями.

Нечастность в парижу у Макара в свою очередь все время переменивается со страхом перед бунтом рабочих против азиатских методов эксплуатации. Макар предпринимчив, умеет, но бескультурен и, по сути, стоит вне политики. Все эти черты Якова и Якова показаны Бондина искрительно правдиво, без единого схематического штихера.

У рядовых людей растет и крепнет то чувство государственности, которое в прежнем Полтаворге было чуждо не только Скоробогатовым, но и царской бирократии. Честная инициатива, искрительно правдиво, без единого схематического штихера.

Долг и противоречиво чуть приро-

дат стартелей к социалистической революции. Рабочие не удовлетворили их уравнительских требований, и они в массе своей повернулись к белогвардейским контрреволюционам. Против наступления белых с рабочими сознание стартелей, настолько же слабо и схематично изображенное партийного актива из рабочих и особенно из интеллигентов.

Бондин показывает становление капиталистического промысла. От идеалистических картин единения «хозяев» — вчерашних стартелей — с рабочими (картины, известных нам по «Делу Артамоновых») до резко враждебного отчуждения на конец кровавой борьбы в период гражданской войны. Несомненная заслуга Бондина в том, что он сумел с пытливостью мастерства показать путь становления капиталиста в специфических золотопромышленных условиях.

Яков, который не ладил с сыном в время от времени уходит от него стартелействовать, несмотря на свою противоречивость, пресыщенную типичной и оригинальной фантазией. В будто отца против сына, наскрепо связавшего свою судьбу с парижским и его бирократией (которую Макар хоть и не ненавидит как тормоз его предпринимательского размаха), но терпит, ибо без них ему не управляться с народом), презывайчино и яро возвращается противоречивое положение коренных стартелей-серединников, колеблющихся между белотой и золотопромышленниками. Яков нападает на сына за нарушение их традиций, за то, что «народ» тревожится, и как зверь, интуиция — промысловая охрана, за то, что тот рвет покровину, связывающую его со старителями.

Нечастность в парижу у Макара в свою очередь все время переменивается со страхом перед бунтом рабочих против азиатских методов эксплуатации. Макар предпринимчив, умеет, но бескультурен и, по сути, стоит вне политики. Все эти черты Якова и Якова показаны Бондина искрительно правдиво, без единого схематического штихера.

У рядовых людей растет и крепнет то чувство государственности, которое в прежнем Полтаворге было чуждо не только Скоробогатовым, но и царской бирократии. Честная инициатива, искрительно правдиво, без единого схематического штихера.

Долг и противоречиво чуть приро-

дат стартелей к социалистической революции. Рабочие не удовлетворили их уравнительских требований, и они в массе своей повернулись к белогвардейским контрреволюционам. Против наступления белых с рабочими сознание стартелей, настолько же слабо и схематично изображенное партийного актива из рабочих и особенно из интеллигентов.

Бондин показывает становление капиталистического промысла. От идеалистических картин единения «хозяев» — вчерашних стартелей — с рабочими (картины, известных нам по «Делу Артамоновых») до резко враждебного отчуждения на конец кровавой борьбы в период гражданской войны. Несомненная заслуга Бондина в том, что он сумел с пытливостью мастерства показать путь становления капиталиста в специфических золотопромышленных условиях.

Яков, который не ладил с сыном в время от времени уходит от него стартелействовать, несмотря на свою противоречивость, пресыщенную типичной и оригинальной фантазией. В будто отца против сына, наскрепо связавшего свою судьбу с парижским и его бирократией (которую Макар хоть и не ненавидит как тормоз его предпринимательского размаха), но терпит, ибо без них ему не управляться с народом), презывайчино и яро возвращается противоречивое положение коренных стартелей-серединников, колеблющихся между белотой и золотопромышленниками. Яков нападает на сына за нарушение их традиций, за то, что «народ» тревожится, и как зверь, интуиция — промысловая охрана, за то, что тот рвет покровину, связывающую его со старителями.

Нечастность в парижу у Макара в свою очередь все время переменивается со страхом перед бунтом рабочих против азиатских методов эксплуатации. Макар предпринимчив, умеет, но бескультурен и, по сути, стоит вне политики. Все эти черты Якова и Якова показаны Бондина искрительно правдиво, без единого схематического штихера.

У рядовых людей растет и крепнет то чувство государственности, которое в прежнем Полтаворге было чуждо не только Скоробогатовым, но и царской бирократии. Честная инициатива, искрительно правдиво, без единого схематического штихера.

Долг и противоречиво чуть приро-

дат стартелей к социалистической революции. Рабочие не удовлетворили их уравнительских требований, и они в массе своей повернулись к белогвардейским контрреволюционам. Против наступления белых с рабочими сознание стартелей, настолько же слабо и схематично изображенное партийного актива из рабочих и особенно из интеллигентов.

Бондин показывает становление капиталистического промысла. От идеалистических картин единения «хозяев» — вчерашних стартелей — с рабочими (картины, известных нам по «Делу Артамоновых») до резко враждебного отчуждения на конец кровавой борьбы в период гражданской войны. Несомненная заслуга Бондина в том, что он сумел с пытливостью мастерства показать путь становления капиталиста в специфических золотопромышленных условиях.

Яков, который не ладил с сыном в время от времени уходит от него стартелействовать, несмотря на свою противоречивость, пресыщенную типичной и оригинальной фантазией. В будто отца против сына, наскрепо связавшего свою судьбу с парижским и его бирократией (которую Макар хоть и не ненавидит как тормоз его предпринимательского размаха), но терпит, ибо без них ему не управляться с народом), презывайчино и яро возвращается противоречивое положение коренных стартелей-серединников, колеблющихся между белотой и золотопромышленниками. Яков нападает на сына за нарушение их традиций, за то, что «народ» тревожится, и как зверь, интуиция — промысловая охрана, за то, что тот рвет покровину, связывающую его со старителями.

Нечастность в парижу у Макара в свою очередь все время переменивается со страхом перед бунтом рабочих против азиатских методов эксплуатации. Макар предпринимчив, умеет, но бескультурен и, по сути, стоит вне политики. Все эти черты Якова и Якова показаны Бондина искрительно правдиво, без единого схематического штихера.

У рядовых людей растет и крепнет то чувство государственности, которое в прежнем Полтаворге было чуждо не только Скоробогатовым, но и царской бирократии. Честная инициатива, искрительно правдиво, без единого схематического штихера.

Долг и противоречиво чуть приро-

дат стартелей к социалистической революции. Рабочие не удовлетворили их уравнительских требований, и они в массе своей повернулись к белогвардейским контрреволюционам. Против наступления белых с рабочими сознание стартелей, настолько же слабо и схематично изображенное партийного актива из рабочих и особенно из интеллигентов.

Бондин показывает становление капиталистического промысла. От идеалистических картин единения «хозяев» — вчерашних стартелей — с рабочими (картины, известных нам по «Делу Артамоновых») до резко враждебного отчуждения на конец кровавой борьбы в период гражданской войны. Несомненная заслуга Бондина в том, что он сумел с пытливостью мастерства показать путь становления капиталиста в специфических золотопромышленных условиях.

Яков, который не ладил с сыном в время от времени уходит от него стартелействовать, несмотря на свою противоречивость, пресыщенную типичной и оригинальной фантазией. В будто отца против сына, наскрепо связавшего свою судьбу с парижским и его бирократией (которую Макар хоть и не ненавидит как тормоз его предпринимательского размаха), но терпит, ибо без них ему не управляться с народом), презывайчино и яро возвращается противоречивое положение коренных стартелей-серединников, колеблющихся между белотой и золотопромышленниками. Яков нападает на сына за нарушение их традиций, за то, что «народ» тревожится, и как зверь, интуиция — промысловая охрана, за то, что тот рвет покровину, связывающую его со старителями.

Нечастность в парижу у Макара в свою очередь все время переменивается со страхом перед бунтом рабочих против азиатских методов эксплуатации. Макар предпринимчив, умеет, но бескультурен и, по сути, стоит вне политики. Все эти черты Якова и Якова показаны Бондина искрительно правдиво, без единого схематического штихера.

У рядовых людей растет и крепнет то чувство государственности, которое в прежнем Полтаворге было чуждо не только Скоробогатовым, но и царской бирократии. Честная инициатива, искрительно правдиво, без единого схематического штихера.

Долг и противоречиво чуть приро-

дат стартелей к социалистической революции. Рабочие не удовлетворили их уравнительских требований, и они в массе своей повернулись к белогвардейским контрреволюционам. Против наступления белых с рабочими сознание стартелей, настолько же слабо и схематично изображенное партийного актива из рабочих и особенно из интеллигентов.

Бондин показывает становление капиталистического промысла. От идеалистических картин единения «хозяев» — вчерашних стартелей — с рабочими (картины, известных нам по «Делу Артамоновых») до резко враждебного отчуждения на конец кровавой борьбы в период гражданской войны. Несомненная заслуга Бондина в том, что он сумел с пытливостью мастерства показать путь становления капиталиста в специфических золотопромышленных условиях.

Яков, который не ладил с сыном в время от времени уходит от него стартелействовать, несмотря на свою противоречивость, пресыщенную типичной и оригинальной фантазией. В будто отца против сына, наскрепо связавшего свою судьбу с парижским и его бирократией (

ЗАКОНЧИЛСЯ ПЕРВЫЙ СЕЗД РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ АМЕРИКИ

ЛУИ АРАГОН

ОБРАЩЕНИЕ К СЕЗДУ

Луи Арагон.

Я был в свое время писателем, который кинул тем, что прошли годы 1914—1918 гг., не написав ни одного слова о них. Моя бунт против окружавшего меня мира нашел свое полное признание в даллазме. Дебаты, которые я вел тогда, были дебатами нескольких поколений. Мы яростно противопоставляли писателям публике.

Публика для нас была врагом. Пять лет я провел в колеяхах, противоречивых поступках. Затем началось прекрасное время. Это было расцветом социализма. Всю тогда, после полосы сомнений и колебаний, у меня была встреча, которая должна была изменить мою жизнь.

Это было в одном из монпарнасских кафе, где я проводил один осенний вечер. Там сверкали огни и женщины. Вдруг кто-то окликнул меня: «Поэт Владимир Маяковский просит вас сесть за его столик...» Он был там, он сделал жест рукой, он не говорил по-французски.

И это была та минута, которая должна была изменить мою жизнь. Поэт, который сумел очутиться на грани революционной волны, этот поэт должен был оказаться связью между миром и мной. Это было первое звено цепи, которую я приемлю и показываю всем сегодня, пепи, соединившей меня слова с внешним миром. Некоторые философы научили меня отринуть ее. Поэт Владимир Маяковский научил меня, что надо обращаться к миллионам людей, к тем, которые хотят переделать этот мир.

В 1930 г. я был в СССР и после моего возвращения я не был больше тем, чем раньше, я не был больше автором «Парижского крестьянства», я стал автором «Красного фронта». Да, мне казалось, что единственная достойная человека и поэта задача заключается в том, чтобы кричать о славе нового мира; я понял, что для писателя мало только заявлять об этом в декларациях, манифестах, надо суметь поставить свое ремесло, даже самую интимную сущность своего ремесла на службу этому новому миру.

Я вернулся из СССР и стал другим человеком. Оставалось, однако, еще порвать тысячу связей, тончайших, как паутинки. Если я имел силу сказать это, то только благодаря практической работе, социальной работе, которую втянула меня пролетариат моей страны. Это привело меня к разрыву со всеми моими друзьями, которые парились в облаках и не понимали моего желания ступить ногами по твердой земле. Итак, я порвал с теми писателями, с теми художниками, которые считали меня своим и которые назывались «сюрреалистами». Я порвал с теми, у которых на устах всегда было слово революция, но у которых были вещи более им дорогое, чем революция.

Ваш конгресс — это третий рево-

**ВОЛДО ФРАНК
об АМЕРИКАНСКОМ
ПИСАТЕЛЕ**

Делегат Волдо Франк между про-

чим скажу о том, что коммунистам должен притти, но что нужно за него бороться... Мир на перекрёстке: итти ли в направление коммунизму или погибнуть. Мучиться в нынешней системе, вторгнувшись в борьбу рабочих масс — это то же, что содействовать утверждению человечества в параллельных туманах. Коммунистическое делоносит не только политико-экономический характер, но и культурный...

Мы прежде всего должны встать на общее положение читателей и писателей нашей страны. Мы никогда не чувствовали недостатка в литературных талантах. Но экономическая почва, на которой эти таланты росли, синяла, прежде, чем ростки пускали первые корни. Американские писатели были властелины за границами, потому что там культурная жизнь обладала теми качествами, которых мы не имеем. В Америке по Уитмену, Торо, Мел维尔ю смыслил пристально всего лишь сентиментальных учеников. Наш писатель был поражен болезнью, которую им надо помочь излечить. Эта болезнь — чувство беспокойства, вызываемое отсутствием связи с жизнью американского народа. Отсюда их догматизм и подражание иностранным литературным стилям.

Наши писатели не могли устоять против мощности капиталистической системы. Они стали развлекательными, постыдными литераторами сладости и юмористами. Когда во времена войны они начали восставать против войны, их «составление» было пустым и бесодержательным.

Литературный съезд, в котором я принял участие. В 1930 г. на международном съезде писателей в Харькове был только гость. В 1934 г. в Москве на съезде советских писателей я был уже представителем массы людей, для которой было важно, чтобы на трибуне Колонного зала перед Горским, Шолоховым, Пастернаком я говорил о нашей стране, о нашем наследстве культуры, о великой задаче, которая стоит перед на-

ми. В Нью-Йорке с промзападом под эгидой прошел первый съезд революционных писателей. На съезд съехалось более двухсот делегатов из разных частей Америки. 21 делегата прислали писатели из Мексики, в их числе Джоэль Мантильяр, Куба, были представлены писатели из Латинской Америки. 21 делегата представляли писатели из Европы, а немецкие революционные писатели — известны. Делегатом Фридрихом Вольфом. Даже Япония была представлена одной женской писательницей.

На съезде и в отдельных комиссиях было сделано до тридцати докладов, по каждому из которых выказывалась

ряд ораторов. Из главных докладов всех концов Америки — поэтами, романистами, критиками.

Среди лекторов основания «Лиги американских писателей», возглавляемой международным Союзом революционных писателей.

Президент Лиги избрал писателя Волдо Франка.

В исполнительный комитет организации избрали: Кеннет Ворк, Манни Коупей, Волдо Франк, Джозеф Фримэн, Майкл Голд, Генри Хикс, Мати Джосифсон, Альберт Малья, Джон Говард Лоусон, Альберт Малья, Гарольд Клурман, Эдвин Сивер, Исаидор Шнейдер, Женевьев Гагтард, Александр Трахтенберг.

Съезд представлен делегатами со

МАЙКЛ ГОЛД

ЗА ТЕСНЫЙ СОЮЗ ПИСАТЕЛЯ С РАБОЧИМИ

Майкл Голд. Критик Дж. Фриман, Дж. Куп и другие знают литературу в пути и практ. разбили этот мир. Советские писатели, как всем уже известно, заняли в стране строящегося социализма самое почетное место. Их книги и пьесы с радостью встречаются и приветствуются миллионами новых и новых читателей даже за пределами СССР. В СССР открылась эра новой культуры, новое искусство. Об этом свидетельствует на страницах жестких фантистических газет Херста он распространяет всякий род антисоветской ложи, как заправский наци.

Таким людям не трудно совершают подобные акты. Одна крыса прекрасно знает другую крысу. Херст хитер. Он знает, что для его дела такие «социалисты» — ценный клад. Гитлер тоже обращался к услугам таких «социалистов». Такие газеты, как «Форвертс», являются по сути своей фантистико-херстовскими органами печати, но под социалистической маркой, изобретенной для того, чтобы легче и вернее обмануть рабочих.

Одним из многочисленных антифашистских мифов, сильно распространявшихся одно время среди мировой интеллигенции, был миф о пресловутом и ужасном писателе в СССР. Особенно усердствовал в распространении этого мифа социалистический ренегат Макс Истман. Писа-

ДЖОЗЕФ ФРИМЭН

ВЫБОРА НЕТ

Малcolm Коупей.

Малcolm Коупей

«ЧТО РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ ДАЕТ ПИСАТЕЛЮ»

... Во первых, оно дает ему аудиторию. Часть этой аудитории мы видели вечером в «Москве Тэмп» (зал, где проходил конгресс), когда в течение вечера наши преграды были выведены из атмосферы заливной коммуналки.

... Во-вторых, революционное движение дает писателям ряд новых тем. Мне кажется, что в течение полу века, кончая 1930 г., была увеличивающая-

ся тенденция у серьезных романистов и драматургов к обсуждению единственно темы — конфликта между индивидуальностью и обществом, между художником и миром. Эта тема была обсуждена в сотнях, тысячах пьесах и несколькох хороших романах, которые мы все читали.

... Портрет художника, как молодого человека. Джек Джойс, вероятно, лучше из них, но мы также имеем «Человеческое рабство», «Гора грех»,

«Лицом к робину», «О времени и ре...»...

... В-третьих, революционное движение учит писателей, что искусство — это не индивидуальный, а общественный продукт, который создается обществом, и если художник перестает принимать участие в окружающей его жизни, источник его вдохновения высыпает, испаряется, как басен после дождя.

... Как же писателю переключиться на жизненный реализм? Соприкоснение с борющимися пролетариатом. Это соприкоснение — и только оно — дает ему животрепещущий материал и вдохновение и клич к пониманию общественных противоречий, их движущих сил и настоящих и предстоящих сдвигов в обществе.

Эти мысли развили в своих речах как т. Браудер, так и ряд делегатов.

При этом они выпустили в культурном разви-

тии

